

Лев Николаевич

Толстой

Неизбежный переворот

(1909 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 38-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 38-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются

в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. Толстой

1909 г.

НЕИЗБЕЖНЫЙ ПЕРЕВОРОТ.

Царство Божие внутри вас и достигается усилием.

Самые глухие люди это те, которые не хотят слышать.

Французская поговорка.

Предисловие.

Знаю, что много, много людей, особенно из числа так называемых образованных, заглянув в это мое писание и поняв, о чем идет речь, только пожмут плечами, презрительно улыбнутся и не станут читать

дальше. Все старое «непротивление», как это не надоест ему, скажут они.

Знаю, что это так будет, во первых, для людей, называемых учеными и знания которых не сходятся с тем, что я говорю, во вторых, для людей, находящихся в увлечении деятельности правительственной или революционной, которым это мое писание ставит дилемму: признать нелепостью или то, что они делали и делают годами и ради чего пожертвовали столь многим, или то, что я говорю. Будет это так и для многих людей так называемых образованных, которые в самых важных вопросах жизни привыкли, не думая своей головой, усваивать мнения, исповедуемые окружающим большинством, оправдывающие их положение. Но знаю, что все люди, самобытно думающие, а также и большинство рабочих людей, не испорченных еще тем нагромождением пустых и ложных знаний, которое называется в наше время наукой, будут со мною. Знаю это потому, что в наше время, как для самобытно мыслящих людей, так и для огромного большинства трудящихся рабочих, становится с каждым днем все более и более очевидным и неразумие; и безнравственность причиняемых ими самим себе ненужных страданий. И те, и другие не могут уже в наше время не признать, наконец, ту простую и режущую теперь глаза истину о том, что для улучшения жизни нужно только одно, перестать делать то, что причиняет эти страдания.

I

Человек может избежать несчастий, ниспосылаемых Небом, но от тех несчастий, которые он сам навлекает на себя, нет спасения.

Восточная пословица.

Люди жалуются на страдания, не понимая того, что они сами себе их причиняют.

Когда человек не видит связи между испытываемыми страданиями и своею жизнью, он может сделать одно из двух или продолжать нести такие страдания, как мучения, не имеющие никакого смысла, или признать то, что страдания его суть указания на его грехи.

При первом взгляде страдания не имеют никакого объяснения и не вызывают никакой другой деятельности, кроме постоянно растущего и ничем не разрешимого отчаяния и озлобления. При втором – страдания вызывают ту самую деятельность, которая и составляет движение истинной жизни – сознание греха, освобождение от заблуждений и подчинение закону любви.

Сколько средств, чтобы быть счастливым, сколько удобств, о которых не имели понятия наши предки. И что же, счастливы ли мы? Если малое

число более счастливо, то большинство тем более несчастно. Увеличивая средства жизни для малого числа богатых, заставили большинство быть и считать себя несчастными. Какое может быть счастье, которое приобретается о ущерб счастью других?

Руссо.

Казалось бы, что те внешние условия, в которых находится человечество нашего времени, должны бы были довести его благосостояние до высшей степени. Земель, пригодных для обработки, доступно людям столько, что все люди могли бы с избытком пользоваться на них всеми благами жизни. Средства передачи мыслей и передвижения (печать, почта, телеграф, железные дороги, паровые и электрические двигатели, самолеты и др.), т. е. средства того, что более всего содействует благу людей, средства единения, доведены до высокой степени совершенства. Средств борьбы с природой, облегчений труда придумано столько, что, казалось, все люди могли бы пользоваться полным удовлетворением своих потребностей без напряжения труда, лишаящего досуга и разрушающего здоровье. Все есть для того, чтобы благо людей увеличивалось, а вместо этого люди нашего времени страдают, мучаются и телесно и духовно, как никогда в прежние времена не страдали и не мучались, и страдания и мучения эти растут с каждым годом.

Скажут, страдания свойственны вообще жизни людей. Да, страдания свойственны, но не те страдания, которыми страдают теперь люди нашего мира. Свойственны жизни человеческой страдания внешние, всякого рода болезни, наводнения, пожары, землетрясения, засухи, свойственны также и страдания случайные, временные, от войн или жестокости некоторых правителей, но не те страдания, которыми не переставая страдают теперь все люди. Страдают теперь все люди: и те, которые властвуют или прямой силой или богатством, и те, которые с неперестающей ненавистью несут свою зависимость от властвующих и богатых, и страдают все уже не от внешних причин, не от землетрясений и наводнений, не от Неронов, Иоаннов Четвертых, Чингис-ханов и т. п., а страдают друг от друга, страдают от того, что все разделены на два враждебные, ненавидящие друг друга стана: страдают одни от зависти и ненависти к тем, кто над ними властвует, другие от страха и тоже презрительного недоброго чувства к тем, над кем они властвуют, страдают и те, и другие от сознания непрочности своего положения, от той неперестающей, временами вспыхивающей и проявляющейся величайшими жестокостями, но никогда не переставшей глухой борьбы между двумя ненавидящими друг друга лагерями. Страдают особенно жестоко преимущественно от того, что и те, и другие в глубине души знают, что причина их страданий в них самих, что им можно бы было изба питься от этих наносимых самим себе страданий, но и тем и другим кажется, что они не могут этого сделать, что виноваты не они, а враги их, и тем с большим озлоблением нападают друг на друга, и тем все больше и больше ухудшают свое положение.

Так что причина бедственности положения, в котором находится теперь человечество, причина совершенно особенная, исключительная, свойственная только нашему времени.

II.

Люди так привыкли к поддержанию внешнего порядка жизни насилем, что жизнь людей без насилия представляется им невозможной. А между тем, если люди насилем могут учреждать справедливую жизнь, то те люди, которые силою учреждают такую жизнь, должны знать, в чем справедливость, и быть сами справедливы. Если же одни люди могут знать, в чем справедливость, и могут быть справедливыми, то почему же всем людям не знать этого и не быть справедливыми?

Среди китайских мудрецов был один Ми-Ти, который предлагал правителям внушать людям уважение не к силе, к храбрости, богатству, власти, а к любви. Он говорил: «Воспитывают людей так, чтобы они ценили силу, богатство, славу, и они ценят их. Воспитывайте их так, чтобы они любили любовь, и они будут любить любовь». Мен-Дзе, ученик Конфуция, не соглашался с ним и опровергнул его, и учение Ми-Ти не восторжествовало. Это самое учение было проповедано Христом 1900 лет тому назад, и учение это, хотя и было как будто бы принято церковной верой, было этой самой церковной верой скрыто от людей.

С тех пор, как мы знаем совокупную жизнь людей, мы знаем, что всегда люди соединялись между собой, кроме связей семейных, родовых, обменных, торговых, еще подчинением многих одному или нескольким властителям. Такое подчинение одних другим, большинства меньшинству, было так обще всем народам, так давно существовало, что все люди, как те, которые властвовали над многими, так и те, которые подчинялись им, считали такое устройство жизни неизбежным, естественным и единственно возможным для совокупной жизни людей. Властвующие считали, что, будучи самим Богом предназначены для властвования над народами, они должны были стараться наилучшим образом пользоваться своей властью для спокойного, мирного и счастливого жития подвластных. Так это много раз выражено во всех учениях мудрости, а также и в религиозных учениях самой древней и многочисленной части человечества: в священных книгах Китая и Индии: Шу-Кинге и законах Ману. Подвластные же считали такое устройство жизни predetermined от Бога, неизбежным, и потому покорно подчинялись власти и поддерживали ее для возможности наибольшего пользования свободой в общении с такими же, как и они, подвластными подданными. Таково было это основанное на насилии устройство жизни. И человечество жило так веками. Так было это в Индии, и в Китае; так было это и в Греции и Риме и в средневековой Европе; так это, как

это ни противно сознанию человечества нашего времени, продолжается для большинства людей и теперь. И в Европе и на востоке люди, как подчинявшиеся, так и властвующие, жили веками, продолжают жить и теперь, не допуская в большинстве своем возможности какого либо другого средства единения, кроме насилия. А между тем во всех религиозных учениях древнего мира: и в браминизме, и в буддизме, и в таосизме, и в конфуцианстве, а также и в учениях греческих и римских мудрецов, вместе с утверждением власти властвующих на насилии, всегда выражалось с разных сторон еще другое учение о том, что любовь людей между собою есть наилучшее средство общения людей, так как дает людям наибольшее благо. Мысль эта различно и с различной степенью ясности выражалась в разных учениях востока, но за 1900 лет до нашего времени мысль эта с поразительной ясностью и определенностью была выражена в христианстве. Христианство указало людям не только то, что любовь есть средство общения людей, дающее им благо, но и то, что любовь есть высший закон жизни людей, и что поэтому закон любви несовместим с прежним, основанным на насилии, устройством жизни.

Главное значение христианства и особенность его от всех прежних учений, проповедывавших любовь, было в том, что оно, провозглашая закон любви высшим законом жизни, таким, который, не допуская исключений, всегда должен исполняться, указало на те обычные отступления от закона любви, которые, вместе с признанием благодетельности любви, допускались при прежнем устройстве жизни, основанном на власти властвующих, поддерживаемой насилием. При прежнем устройстве жизни насилие, включающее в себя убийства, при защите себя, ближних или отечества, при наложении наказаний на преступников и т. п., было необходимым условием общественной жизни. Христианство же, ставящее высшим законом жизни любовь, признающее всех людей равными, проповедующее прощение всякой обиды, оскорбления, насилия, и воздаяние добром за зло, не могло допускать ни в каком случае насилия человека над человеком, всегда в последнем своем проявлении требующего даже убийства. Так что христианство в своем истинном значении, признавая основным законом жизни любовь, прямо и определенно отрицало то самое насилие, которое стояло в основе всего прежнего устройства жизни.

Таково было и есть главное значение христианства. Но люди, принявшие христианство, веками жившие в сложном государственном устройстве, основанном на насилии, приняв христианство, отчасти не понимая всего его значения, отчасти понимая, но стараясь скрыть его от себя и других людей, взяли из христианства. только то, что не было противно установившемуся складу их жизни. Возникшее же на первобытном христианстве церковное учение, соединив учение Христа с древнееврейским учением, уже так искусно, под различными, совершенно чуждыми христианству догматами и постановлениями, скрыло сущность христианства, что насилие, так явно несовместимое с христианством в его истинном значении, стало считаться как насилующими, так и насилуемыми не только не противным христианскому учению о любви, но и вполне законным и согласным с христианским учением.

Люди жили, подчиняясь насилиям и совершая их, и вместе с тем исповедывали учение любви, явно противоречащее насилию. Внутреннее

противоречие это всегда жило в христианском мире и соответственно умственному развитию людей становилось все более и более явным. В другой, большей половине нехристианского человечества – Египет, Индия, Китай (я не говорю про магометанский мир, который жил по учению, вышедшему из христианства), где точно так же было – и в браминизме, и в буддизме, и в конфуцианстве, и в таосизме – провозглашено учение любви среди людей, живших по закону насилия, противуречие этих двух несогласных начал проявлялось не так резко и сильно, как в христианстве. Но хотя в религиозных учениях востока, Индии, Китая, не было указано с такой ясностью, как это было в христианстве, на несовместимость закона насилия и закона любви, внутреннее противоречие это и в нехристианском мире делало и делает свое дело, все более и более выясняя людям необходимость замены старого, отжившего начала насилия новым законом любви, с разных сторон входящим в сознание людей.

III.

Из того, что возможно насилем подчинять людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинять людей насилем.

Паскаль.

Насилие, производя только подобие справедливости, более всего удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия.

В сознание людей входило все большее и большее признание закона любви, долженствовавшего заменить насилие, а между тем жизнь продолжала идти на прежних основаниях.

Так это продолжалось веками. Но пришло время, когда истина о том, что любовь есть высший закон жизни человеческой, и что поэтому насилие, несовместимое с любовью, не может быть высшим законом жизни, истина, столь свойственная духовной природе человека и выраженная более или менее ясно во всех религиозных учениях и с особенной ясностью в христианстве, несмотря на все усилия властителей и их помощников, все более и более входила в сознание людей и в наше время более или менее сознательно уже стала достоянием большинства людей. Как нельзя затушить огонь, завалив его стружками, так же невозможно было заглушить раз возникшую в сознании людей и с такой ясностью выраженную во всех религиозных учениях и столь близкую сердцу человеческому истину о том, что свойственное природе людей единение есть единение, основанное на любви, а не

насилии, страхе. И истина эта, хотя и не в прямом своем выражении, но в различных вытекающих из этой истины положениях и требованиях, все чаще и чаще проявлялась во всем мире, отыскивая свое приложение к жизни. Так, среди христианского мира истина эта, прежде, чем в других странах, проявилась в требованиях равенства граждан, людей (хотя только одного государства), в уничтожении рабства, в признании прав женщины, в учениях социализма, коммунизма, анархизма; проявлялась и проявляется эта истина и в самых разнообразных союзах, конгрессах мира, проявляется и во многих так называемых сектах, как христианских, так и магометанских, прямо отрицающих закон насилия и освобождающих себя от подчинения ему.

В христианском мире и близком ему магометанском истина эта более явно входила в сознание людей, но и на дальнем востоке истина эта не переставая делала свое дело. Так что даже в Индии и Китае, где насилие утверждено религиозным законом, насилие и касты в Индии в наше время представляются людям уже чем-то несвойственным человеческой природе.

Все люди мира, хотя еще и не признавая закона любви во всем его значении, уже чувствуют всю невозможность продолжения жизни по прежнему закону насилия и ищут другой, соответствующей духовному росту человечества, основы взаимного общения...

Основа же эта есть только одна и тысячи лет тому назад уже высказана лучшими людьми мира.

IV.

Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизации, но далеко еще не в эпоху морали. При настоящем состоянии людей можно сказать, что счастье государств растет вместе с несчастьем людей. И еще вопрос, не счастливее ли мы были бы в первобытном состоянии, когда у нас не было бы этой культуры, чем в нашем настоящем состоянии.

Ибо как можно сделать людей счастливыми, когда их не делают нравственными и мудрыми!

Кант.

Все наши благотворительные учреждения, все наши карательные законы, все наши ограничения и запрещения, которыми мы стараемся предупредить и пресечь преступления – что такое они в лучшем случае, как не выдумки дурака, который, взвалив весь груз в корзинку с одной стороны осла, решил помочь несчастному животному, навалив столько же камней в корзинку с другой его стороны?

Генри Джордж.

Прежняя основа единения людей, насилие, в наше время не внушает людям, как прежде, слепого доверия, но представляется, напротив, чем то уже противным их сознанию.

Люди теперь в большинстве своем более или менее живо чувствуют уже необходимость устройства жизни на других основаниях, чем насилие. Но старые обычаи, предания, воспитание, привычки, главное самое устройство жизни таково, что люди, желая делать дела, вытекающие из закона любви, приводят их в исполнение посредством насилия, т. е. посредством того, что прямо противоположно тому закону любви, во имя которого они действуют, делают то, что делают.

Так в наше время революционеры, коммунисты, анархисты, во имя любви, блага народа совершают свои разрушения, убийства. Во имя же любви, опять для блага народа устраивают правительства свои тюрьмы, крепости, каторги, казни. Во имя любви, высшего блага уже не одного, а всех народов, устраивают дипломаты свои союзы, конгрессы, опирающиеся на все увеличиваемые и все больше и больше вооружаемые войска. Во имя любви же устраивают богачи, собравшие богатство и удерживающие его только благодаря законам, утверждаемым насилием, свои всякого рода благотворительные учреждения, неприкосновенность которых удерживается опять таки насилием.

Так это делается везде. Большое незамечаемое людьми зло насилия совершается во имя умышленно выставляемого на вид подобия добра. И как и не может быть иначе, это не только не улучшает положения, но, напротив, только ухудшает его. И потому положение людей нашего времени, становясь все хуже и хуже, стало несравненно хуже положения людей в древности. Оно стало хуже оттого, что в наше время средства насилия увеличились в сотни раз, а увеличение средств насилия увеличило и происходящее от насилия зло. Как ни жестоки и бесчеловечны могли быть Нероны и Иоанны Четвертые, у них не было тех средств воздействия на людей, какие есть теперь у Наполеонов, Бисмарков, с своими войнами, и английских парламентов с своими усмирениями индусов, и наших русских Шлиссельбургов, каторги, ссылки. Были в старину Соловьи разбойники, Пугачевы, но не было тех орудий убийства, бомб, динамитов, дающих возможность одному слабому человеку убивать сотни. Встарину было рабство одних у других, но не было того всеобщего захвата земли, какой есть теперь, и той трудности приобретения предметов первой необходимости, а потому и не было того отчаянного положения, в котором находятся теперь миллионы безработных, положения без сравнения худшего, чем положение прежних рабов: теперь рабочие ищут рабства и страдают оттого, что не могут найти хозяина рабовладельца. В наше время, именно вследствие непризнания причины ала в насилии и прикрывания этого зла добрыми намерениями, особенно при теперешних средствах общения, вооружения и развращения народа, положение рабочих масс дошло до высшей степени бедственности, до высшей степени дошло и их раздражение против

властвующих и богатых, точно так же как до высшей степени дошло и сознание непрочности своего положения властвующих и богатых и их страх перед рабочим народом и недоброжелательство к нему.

V.

Народы земли трепещут и содрогаются. Всюду чувствуется какая-то работа сил, как бы подготовляющая землетрясение. Никогда еще человек не имел за собой такой огромной ответственности. Каждый момент приносит с собой все более и более важные заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться.

Люси Малори.

Существующее устройство жизни не соответствует ни требованиям общественной совести, ни даже требованиям рассудка.

Люди разумные существа. Для чего же они в общественной жизни руководствуются не разумом, а насилием?

Продолжение жизни людей нашего времени, как властвующих, так и тех, над кем властвуют властвующие, в том положении, в котором они находятся теперь, становится все более и более невозможным. И это живо чувствуется и теми и другими. Возможна была жизнь человечества с его разделением на десятки враждебных государств, с своими императорами, королями, войсками, дипломатами, с своим отбиранием от народа произведений его труда на вооружения и содержание войск, тогда, когда народы еще наивно думали каждый про себя, что он один настоящий народ, а что все другие народы враги, варвары, и что не только похвально отдавать свои труды и жизнь на защиту своего народа и его правителей, но что это даже не может быть иначе, что это так же естественно, как кормиться, жениться, дышать. Возможна была такая жизнь людей, когда люди верили, что бедность и богатство суть условия жизни, предопределенные Богом, когда властвующие и богатые не только не сомневались в законности своего положения, но в душе своей перед Богом гордились им, считая себя избранной, особой породой людей, людей же народа, «подлых», занимающихся ручной работой или даже торговлей, считали низшей породой людей, подвластные же и бедные верили, что властвующие и богатые особая порода людей, предназначенная на властвование самим Богом, так же как Богом же предопределена их жизнь, подвластных и бедных.

Возможна была такая жизнь и в христианском мире, когда людям, ни

властвующим, ни подчиненным, не приходило в голову усумниться в той католической, православной или лютеранской религии, которая называлась христианской, которая допускала не только полное неравенство людей, но прямое рабство их, считала возможным и даже похвальным убийство людей, когда люди так верили в эту искусственную религию, что ее не нужно было защищать ни сознательным обманом, ни насилием.

Так продолжалось веками, но пришло время, когда все то, что делало такую жизнь возможной, стало понемногу разрушаться, и наконец люди всего мира, и в особенности христианского, пришли к сознанию, более или менее ясному, того, что не они одни, немцы, французы, японцы, русские, живут на свете и не они одни хотят отстоять выгоды своего народа, но что все народы в том же положении, и что поэтому всякая война не только губительна для народных масс, не получающих от войны никаких выгод, а только лишения, но и совершенно бессмысленна; кроме того пришли люди нашего времени и к тому более или менее ясному сознанию, что все подати, собираемые с них, послужат к их благу, а растрачиваются большей частью во вред им на войны и на роскошь властвующих, что богатство не есть нечто predeterminedенное свыше, как это представлялось им прежде, но есть плод целого ряда обманов, вымогательств, насилий над трудящимся народом. Знают все это в наше время в глубине души и властвующие и богатые, но не имеют сил отказаться от своих положений и или грубым насилием или обманами или уступками стараются удержать свое положение. И потому теперь, когда все люди, все кроме того, что разделены между собою на различные народности, подавленные и желающие освободиться или желающие удержать подавленных, разделены еще везде на два озлобленно враждебные друг к другу стана: одних рабочих, обделенных, униженных и сознающих несправедливость своего положения, и других властвующих и богатых, тоже сознающих несправедливость своего положения, но во что бы то ни стало все-таки отстаивающих его, и тех и других готовых для достижения своей цели совершать и совершающих друг против друга величайшие злодеяния: обманы, кражи, шпионства, убийства, взрывы, казни – положение людей таково, что оно очевидно не может уж продолжаться.

Правда есть еще такие люди, которые хотят уверить себя и рабочих, что вот вот еще одно убедительное разъяснение существующей несправедливости, еще одна, самая прекрасная теория будущего устройства жизни, еще одно небольшое усилие борьбы с врагами – и установится наконец тот новый порядок, при котором не будет уже зла и все люди будут благоденствовать. Есть такие же люди и среди властвующих. Люди эти стараются уверить себя и других, что человечество не может жить иначе, как так, как оно жило веками, тысячелетиями, что изменять ничего не нужно, что стоит только, как ни неприятно это, неукоснительно подавлять силой все попытки изменения существующего строя и, не отказывая в «разумных» требованиях народа, твердо вести его по пути умеренного прогресса и всем будет хорошо.

Есть такие верующие и в том и в другом лагере, но люди уже не верят им, а два враждебные лагеря все резче и резче разделяются: становится все больше и больше зависть, ненависть, злоба рабочих к

властвующим и богатым, и все больше и больше страх и ненависть властвующих и богатых к рабочим и обделенным, и все больше и больше заражают обе стороны друг друга взаимной ненавистью.

VI.

Пора перестать верить в обман о том, что религия неподвижна. Верить в неподвижность религии – все равно, что верить в неподвижность того корабля, на котором мы плывем. Неподвижно подобие религии, культ; истинная же религия, сознание смысла жизни и вытекающего из него руководства, не может быть неподвижной, а не переставая движется и движением своим изменяет жизнь человечества.

Положение людей нашего времени ужасно. Причина же этого ужасного положения та, что мы, люди нашего времени, живем не по тому миросозерцанию, которое свойственно нашему сознанию, а по тому миросозерцанию, которое за тысячи лет до нашей эры было свойственно нашим предкам, но теперь уже не может удовлетворять нашим духовным требованиям. Причина в том, что мы, более или менее ясно сознающие уже теперь ту основу любви, которая, заменив насилие, может и должна соединить людей, все еще живем тем насилием, которое в прежние времена соединяло людей, но теперь уже несвойственно нам, противно нашему сознанию и потому не только не соединяет, но теперь только разъединяет людей.

Может ли быть счастлив, или вернее, не быть несчастлив старик, который захотел бы жить жизнью молодости, или взрослый человек, желающий жить жизнью ребенка? И сколько бы ни старался человек продолжать жить несвойственной уже ему жизнью прежнего возраста, он, если не разумом, то страданиями, волей или неволей будет приведен к необходимости жить сообразно своему возрасту.

То же самое с обществами людей и со всем человечеством, если оно руководствуется в своей жизни не свойственным его возрасту сознанием, а тем, которое уже давно пережито им. А это самое совершается теперь с человечеством нашего времени.

Мы не знаем и не можем знать условий ни рождения, ни происхождения, ни исчезновения как отдельного человека, так и человечества, но в пределах доступного нам времени знаем и несомненно знаем, что жизнь человечества всегда подчинялась и подчиняется тому же самому закону постепенного роста и развития, которому подчиняется и жизнь отдельного человека. Как и в жизни каждого отдельного человека мы видим, что человек в главном направлении своей деятельности руководится пониманием смысла своей жизни, т. е. своим сознательным

или бессознательным религиозным мировоззрением, то же самое видим мы и в жизни всего человечества.

И как жизнь отдельного человека не переставая изменяется соответственно его росту, т. е. согласно с изменением общего понимания смысла своей жизни, точно так же не переставая изменяется и не может не изменяться и жизнь не переставая расти, подвигаться вперед к более разумной жизни всего человечества. И точно так же, как естественно, почти неизбежно задерживается всегда движение вперед отдельного человека тем, что, усвоив привычки прежнего, пережитого им возраста, он не охотно, не скоро расстается с ними, часто умышленно старается, отдаваясь деятельности прежнего возраста, оправдать различными придумываемыми рассуждениями продолжение прежней, уже несвойственной ему жизни, так точно и человечество, естественно по инерции задерживаясь на предшествующем, пережитом уж складе жизни, оправдывает для самого себя эти задержки придуманными рассуждениями, принимаемыми для человечества всегда вид ложных религиозных вер и одинаково ложных научных построений.

Много есть суеверий, от которых страдают люди, но нет более общего, более губительного по своим последствиям суеверия, чем то, по которому люди уверяют себя в том, что сознание человечества (то, которое выражается учениями о смысле жизни и о вытекающем из него руководстве поведения, называемыми религиями), что это сознание может остановиться и быть одно и то же во все времена жизни людей.

Вот это то суеверие, побуждавшее человеческие общества жить по религиозным и научным учениям, всегда отстающим от постоянно развивающегося сознания человечества, и было всегда одним из главных источников тех бедствий, которые постигали человеческие общества. И бедствия эти бывали всегда тем больше, чем большая часть человечества подвергалась этим задержкам в движении и чем дольше они продолжались.

Бывает так, что эти задержки захватывают и особенно ярко выражаются и разрешаются в одной небольшой части человечества, но бывает и так, что задержки эти захватывают жизнь всего человечества, как это происходит теперь.

Так, например, задержка движения к более разумной жизни одной части человечества, произведенная злоупотреблениями Римской церкви, дошедшими до крайнего извращения сущности учения Христа, захватила только небольшую часть человечества, подпавшую несоответствующему сознанию людей суеверию папства, и бедствия, вызванные реформацией и последовавшими за ней войнами, продолжались относительно недолго.

Но бывает и так, что уже не известные народы и не по отношению одного какого либо вопроса местного, религиозного или общественного, а все человечество и по отношению не частных вопросов, но общих всем народам основ жизни живет веками несоответственно своему сознанию. И тогда бедствия, вытекающие из таких задержек жизни, ведомой по несоответствующим уже сознанию людей религиозным началам, продолжают особенно долго и бывают особенно велики. И таково то положение, в котором живет теперь уже не часть, а все человечество

вследствие того, что, продолжая еще по инерции повсюду руководствоваться для единения людей между собой когда то неизбежным и общим всем народам насилием, люди все более и более ясно сознают уже другое, высшее начало любви, должествующее заменить прежние приемы насилия.

VII.

Невозможность продолжения той жизни, которой мы живем теперь, чувствуется уже всеми мыслящими людьми нашего времени. Все, что мы называем культурой: наши науки, искусства, усовершенствования удобств и приятностей жизни, все это только усилия заглушить в человеке сознание этой невозможности. Но все усилия эти в наше время оказываются тщетными: невозможность эта чувствуется и сознается уже не как далекое будущее, а как наступившее настоящее, которое нельзя обойти, а к которому, хочешь или не хочешь этого, надо отнестись так или иначе.

Мы живем в важное время. Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революций в лучшем смысле этого слова – не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства.

Чаннинг.

Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколений, едва догадывалось, отчего ему так ловко живется, пока большинство, работая день и ночь, не совсем догадывалось, что все выгоды работы – для других, и те и другие считали это естественным порядком, – мир антропофагии мог держаться. Люди часто принимают предрассудок, привычку за истину – и тогда она их не теснит. Но когда они однажды поняли, что их истина – вздор, – дело кончено. Тогда только силою можно заставить делать то, что человек считает нелепым (и то только на самое короткое время. Л. Т.).

Герцен.

Три, два века тому назад люди, призываемые в войско по повелению главы государства, ни на минуту не сомневались в том, что как ни трудно то, чего от них требуют, они, идя на войну, делают не только хорошее, но неизбежно необходимое дело, жертвуя своей свободой, трудом, даже жизнью для святого дела: защиты отечества против врагов его, главное же исполняя волю Богом поставленного владыки. Теперь же

всякий человек, которого гонят на войну (особенно содействовала уничтожению патриотического обмана общая воинская повинность), всякий знает, что те, против кого его гонят, такие же люди, как и он, так же обмануты своими правительствами, а зная это, не может уже не видеть в особенности в христианском мире всего безумия и безнравственности того дела, к которому его принуждают. А понимая безумие и безнравственность дела, к которому его призывают, не может не презирать и не ненавидеть тех людей, которые принуждают его.

Точно так же встарину люди, отдавая свои подати, т. е. свои труды правительствам, были уверены, что отданное правительству необходимо для важных и нужных дел; кроме того считали тех людей, которые распоряжались этими произведениями их труда, чуть не святыми, безгрешными людьми. Теперь же почти всякий рабочий считает правительство если не шайкой разбойников, то во всяком случае людьми, озабоченными своими интересами, а никак не интересами народа, и необходимость отдавать свои труды в их распоряжение только временным бедствием, от которого он желает всеми силами души и надеется тем или иным способом скоро освободиться.

200, даже 100 лет тому назад люди смотрели на богатство как на достоинство и на собирание богатства как на добродетель и уважали богатых и старались подражать им, теперь люди, в особенности бедные, презирают и ненавидят богатых только за то, что они богаты, всякие же попытки богатых тем или иным путем поделиться с бедными вызывают в этих самых бедных только еще большую ненависть к богатым.

В прежние времена властители и богатые верили в свое положение и знали, что рабочий народ верит в его законность, и народ действительно верил в predeterminedность положения и своего и своих властителей. Теперь же и те, и другие знают, что нет никакого оправдания ни властвованию правителей, ни богатству богатых, ни давлению рабочих, и что для того, за чтобы властителям и богатым удержать свое положение, а рабочим освободиться от своей давлению, надо и тем и другим не брезгать употреблением для этого всевозможных средств: обманов, подкупов, убийств. И те и другие делают это и, что хуже всего, делая это, в глубине души большей частью знают, что ничего не достигнут этим, и что продолжение такой жизни становится все более и более невозможным, и ищут и не находят выхода из этого положения. А выход неизбежный и один тот же для всех все яснее и яснее представляется людям. Выход один: освобождение себя от той когда то свойственной человечеству веры в необходимость и законность насилия и усвоение отвечающей теперешнему возрасту человечества, одинаково проповеданной во всех религиях мира, веры в необходимость и законность любви, исключаящей какое бы то ни было насилие человека над человеком.

Перед этим—то решительным шагом, который предстоит в наше время всему человечеству, и стоят теперь в нерешительности люди нашего мира и времени.

Но хотят ли или не хотят этого люди, они не могут не совершить шаг этот. Не могут не совершить его, потому что то религиозное верование, которое обосновывало власть одних людей над другими,

отжило свое время, новое же, соответственное времени верование в высший закон любви все более и более входит в сознание людей.

VIII.

Для чего же разум людей, если на них можно воздействовать только насилием?

Ничто не препятствует столько улучшению общественного устройства, как предположение о том, что такое улучшение может быть достигнуто изменением внешних форм. Ложное предположение это направляет деятельность людей на то, что не может содействовать, и отвлекает от того, что может содействовать улучшению жизни людей.

Мы так привыкли к рассуждениям о том, что одним людям свойственно устраивать жизнь других людей, людей вообще, что такие рассуждения нам не кажутся странными. А между тем такие рассуждения не могли бы никогда существовать между религиозными, и потому свободными людьми. Такие рассуждения суть последствия суеверия признания законности власти одних людей над другими.

Суеверие это не только совершенно бессмысленно, потому что нет никакого основания, почему одни люди – и большинство – должны подчиняться воле других – меньшинству, да еще наименее нравственных людей: оно еще и особенно вредно тем, что ослабляет во всех людях сознание необходимости исправлять себя, тогда как это одно единственное действительное средство воздействия на других людей.

Казалось бы, что бедствия, вытекающие из насилий, производимых людьми друг над другом, должны бы вызывать в них мысль о том, что они сами виноваты в этих бедствиях. А если люди сами виноваты, а я человек, стало быть и я виноват, казалось бы должен сказать себе каждый, а потому и спросить себя, в чем моя вина в претерпеваемых мною и всеми людьми бедствиях?

Так, казалось, должно бы быть, но суеверие о том, что одни люди не только имеют право, но и призваны и могут устраивать жизнь других людей, вследствие долгой жизни, основанной на насилии, до такой степени укоренилось в привычках людей, что мысль о своем участии в дурном устройстве жизни людей никому не приходит в голову. Все обвиняют друг друга. Одни обвиняют тех, которые, по их мнению, обязаны устраивать их жизнь и устраивают ее не так, как они считают это нужным. Другие же, устраивающие чужую жизнь, недовольны теми, жизнь которых они устраивают. И как те, так и другие думают о самых сложных и трудных вопросах, но не задают себе только одного, самого,

казалось бы, естественного вопроса: что мне делать для того, чтобы изменилось то устройство жизни, которое я считаю дурным и в котором так или иначе не могу не участвовать.

«Любовь должна заменить насилие. Допустим, что это так, скажут люди, но как, каким путем должен и может произойти этот переворот? Что делать для того, чтобы переворот этот мог совершиться, чтобы жизнь насильническая заменилась жизнью мирной, любовной?»

Что делать? спрашивают одинаково и властители, и подвластные, и революционеры, и общественные деятели, подразумевая под вопросом: что делать? всегда вопрос о том, как должна быть устроена жизнь людей.

Все спрашивают, как должна быть устроена жизнь людей, т.-е. что делать с другими людьми? Все спрашивают, что делать с другими, но никто не спрашивает, что мне делать с самим собою?

Суеверие неподвижности религии, породившее признание законности властвования одних людей над другими, породило еще и это другое, вытекающее из первого, суеверие, больше всего препятствующее людям перейти от жизни насильнической к жизни мирной, любовной, суеверие о том, что одни люди должны и могут устраивать жизнь других людей.

Так что главная причина коснения людей в складе жизни, уже признаваемом ими ложным, заключается в удивительном (происшедшем от суеверия неподвижности религии) суеверии о том, что одни люди не только могут, но и имеют право вперед определять и насилием устраивать жизнь других людей.

Стоит освободиться людям от этого обычного суеверия, и тотчас же стало бы ясно всем, что устраивается жизнь всякого соединения людей только так, как каждый сам для себя устраивает свою жизнь. А поняли бы это люди, как те, которые устраивают жизнь других, так и те, которые подчиняются этому устройению, так очевидно бы стало всем, что всякое насилие человека над человеком ничем не может быть оправдываемо и есть не только нарушение любви или даже справедливости, но и здравого смысла.

Так что избавление людей от тех бедствий, которые они переживают в наше время, прежде всего в освобождении себя от суеверия о неподвижности религии, а потому и от ложного, уже пережитого людьми нашего времени религиозного учения о божественности власти и вытекающего из него признания законности и полезности насилия.

IX.

Не противиться злему силою не значит, что нужно отказаться и от охраны жизни и трудов своих и других людей, а значит только, что

охранять все это нужно иным способом, не противоречащим высшему разумному существу в человеке; охранять жизнь и труды других людей и свои нужно пробуждением в нападающем злодее жизни разумного существа. Способ этот состоит преимущественно в собственном духовном совершенстве, необходимом для приобретения силы воздействия на других добром любовью, разумным освещением. Если я вижу, например, что один человек намерен убить другого, то самое большее, что я могу предпринять, это поставить самого себя на место убиваемого и сказать злодею: «Вот тебе моя грудь, убей прежде меня, потому что я не могу выносить и «не могу допустить, пока жив, человекоубийства, – и защитить, закрыть собою того человека и, если можно спасти, утащить, спрятать его, все равно, как я стал бы спасать человека из пламени пожара или утопающего: либо самому погибнуть, либо спасти. Если же я оказываюсь бессильным в этом способе, потому что я сам заблудший грешник, то это мое бессилие не дает мне права на грех, права пробуждать в себе зверя, еще более усиливать беспорядок в своей душе и вносить беспорядок в мир злом насилия и его оправданием.

Бука.

«Хорошо, любовь вместо законов, приводимых в исполнение насилием. Допустим, что признание всеми людьми средством единения между собою любви вместо насилия увеличило бы благо людей, но оно увеличило бы его только тогда, когда все люди признавали бы для себя обязательным закон любви», говорят обыкновенно. «Но что будет со всеми теми, кто откажется от насилия, живя среди людей, не отказавшихся от него? Людей этих лишат всего, будут мучать, люди эти будут рабами людей, живущих насилием».

Так всегда и все одно и то же и не стараясь понимать того, что включено в самом учении любви, говорят защитники насилия.

Не стану говорить о том, что если насилие когда либо защищало жизнь и спокойствие людей, то бесчисленное количество раз оно напротив было причиной величайших бедствий, которые не могли бы быть, если бы люди не допускали насилия. Не буду говорить про все те ужасы, которые с самых древних времен совершались во имя признания необходимости насилия, ни про ужасы древних и средневековых войн, ни про ужасы большой французской революции, про 30000 коммунаров 70 года, про ужасы наполеоновских, франкопрусских, турецких, японских войн, индийских усмирений, теперешних персидских дел, теперь совершающейся резни армян, убийств и казней в России, ни миллиардов непрерывно погибающих от нужды и голода рабочих. Взвесить и решить вопрос о том, больше или меньше было или будет матерьяльных зол от применения в общественной жизни насилия или закона любви, мы никак не можем, потому что не знаем – и не можем знать – того, что бы было, если бы хотя бы и малая часть людей следовала закону любви, а большая [жила бы насилием]. Вопрос этот никак не может быть решен ни опытом, ни рассуждением. Вопрос этот вопрос религиозно–нравственный и потому решается не опытом, а внутренним сознанием, как и все

вопросы религиозно–нравственные, решается не соображениями о том, что выгоднее, а тем, что человек признает хорошим и что дурным, что должным и что недолжным.

Ни на чем, как на отношении людей нашего мира к вопросу о применении к жизни закона любви и неразрывно связанному с ним понятию непротивления злу насилеи, так не видно полного отсутствия в людях нашего времени не только христианского верования, но хотя какого бы то ни было религиозного верования, и не только какого бы то ни было религиозного верования, но даже и понимания того, в чем состоит религиозное верование.

«Закон любви, исключаящий насилие, неисполним, потому что может случиться, что злодей на наших глазах будет убивать беззащитного ребенка», говорят люди.

Люди эти не спрашивают о том, что им делать, когда они видят ведомого на казнь человека, или когда видят обучаемых к убийству людей, или когда видят замариваемых на фабриках нездоровым трудом работников, женщин, детей. Все это они видят и не только не спрашивают, что им при этом делать, но сами участвуют в этих делах, в казнях, солдатских обучениях, войнах, в замаривании рабочих и во многих других таких же делах. Но вот, видите ли, их всех очень занимает и беспокоит вопрос о том, как им поступить с убиваемым на их глазах воображаемым ребенком. До такой степени трогает их судьба этого воображаемого ребенка, что они никак не могут допустить, чтобы одним из необходимых условий любви было бы неупотребление насилия. В сущности же занимает этих людей, желающих оправдать насилие, никак не судьба воображаемого ребенка, а своя судьба, своя вся основанная на насилии жизнь, которая при отрицании насилия не может продолжаться.

Защитить убиваемого ребенка всегда можно, подставив свою грудь под удар убийцы, но мысль эта, естественная для человека, руководимого любовью, не может притти в голову людям, живущим насилеи, так как для этих людей нет и не может быть никаких других кроме животных – побуждений к деятельности.

В действительности же вопрос о приложении к жизни требований любви сводится к самому простому умозаключению, умозаключению, всегда признававшемуся и не могущему не признаваться разумными людьми, а именно тому, что любовь, несовместимая с деланием другому чего себе не хочешь, несовместима поэтому и с ранами, лишением свободы, убийствами других людей, которые всегда неизбежно включены в понятие насилия. И потому можно жить насилеи, не признавая закона любви религиозным законом любви; можно жить и по закону любви, не признавая необходимости насилия, но признавать божественными и закон власти, т. е. насилия, и таким же божественным и закон любви, казалось бы, невозможно. А между тем в этом самом вопиющем противоречии живут все люди нашего времени и в особенности люди христианского мира.

Х.

Если ты страдаешь от зла существующего устройства мира или возмущаешься им, то знай, что для борьбы с этим порядком есть только одно средство: усиление в людях религиозного сознания.

Понятно, что такое усиление должно произойти прежде всего в тебе самом, и это усиление религиозного сознания в тебе есть могущественнейшее средство усиления его в других.

Чем больше будут верить люди в то, что они могут быть приведены чем-то внешним, действующим само собою, помимо их воли, к изменению и улучшению своей жизни, тем труднее совершится это изменение и улучшение.

«Но это все общие рассуждения. Допустим, что я верю в закон любви», скажут на это. «Что делать мне, Ивану, Петру, Марье, каждому человеку, если он признает справедливость того, что человечество дошло до необходимости вступления на новый путь жизни? Что делать мне, Ивану, Петру, Марье для того, чтобы уничтожилась та дурная жизнь насилия и установилась бы добрая жизнь по любви? Что именно надо делать мне, Ивану, Петру, Марье, для того, чтобы содействовать этому перевороту?»

Вопрос этот, несмотря на то, что он кажется нам столь естественным, так же странен, как странен бы был вопрос человека, губящего свою жизнь пьянством, игрой, распутством, ссорами, который бы спрашивал: что мне делать, чтобы улучшить свою жизнь?

Как ни совестно отвечать на такой наивный вопрос, все-таки ответу для тех, кому такой ответ может быть нужен.

Ответ на вопрос о том, что надо делать человеку, осуждающему существующее устройство жизни и желающему изменить и улучшить его, ответ простой, естественный и один для каждого, не одержимого суеверием насилия человека, такой:

Первое: перестать самому делать прямое насилие, а также и готовиться к нему. Это первое, второе не принимать участия в каком бы то ни было насилии, делаемом другими людьми, и также в приготовлениях к насилию. Третье не одобрять никакое насилие.

1) Не делать самому прямого насилия значит не хватать никого своими руками, не бить, не убивать, не делать этого для своих личных целей, а также и под предлогом общественной деятельности.

2) Не принимать участия в каком бы то ни было насилии значит не

только не быть полицмейстером, губернатором, судьей, стражником, сборщиком податей, царем, министром, солдатом, но и не участвовать в судах просителем, защитником, сторожем, присяжным.

3) Не одобрять никакое насилие значит, кроме того, чтобы не пользоваться для своей выгоды никаким насилием, ни в речах, ни в писаниях, ни в поступках не выражать ни похвалы, ни согласия ни с самым насилием, ни с делами, поддерживающими насилие или основанными на насилие.

Очень может быть, что если человек будет поступать так, откажется от солдатства, от судов, от паспортов, от уплаты податей, от признания властей и будет обличать насильников и их сторонников, подвергнется гонениям. Весьма вероятно, что такого человека по нынешним временам будут мучать: отнимут у него имущество, сошлют, запрут в тюрьму, может быть и убьют. Но может быть и то, что человек и не делающий ничего этого и напротив исполняющий требования властей, пострадает от других причин точно так же, а может быть и еще больше, чем тот, который откажется от повиновения. Так же, как может быть и то, что отказ человека от участия в насилии, основанный на требованиях любви, откроет глаза другим людям и привлечет многих к таким же отказам, так что власти не будут уже в состоянии применить насилие ко всем отказавшимся.

Все это может быть, но может и не быть. И потому ответ на вопрос о том, что делать человеку, признающему истинность и приложимость к жизни закона любви, не может быть основан на предполагаемых последствиях.

Последствия наших поступков не в нашей власти. В нашей власти только самые поступки наши. Поступки же, какие свойственно делать и, главное, какие свойственно не делать человеку, основываются всегда только на вере человека. Верит человек в необходимость насилия, религиозно верит, и такой человек будет совершать насилия не во имя благих последствий, которых он ожидает от насилия, а только потому что верит. Если же верит человек в закон любви, то он точно так же будет исполнять требования любви и воздерживаться от поступков, противных закону любви, независимо от каких бы то ни было соображений о последствиях, а только потому что верит и от того не может поступить иначе.

И потому для осуществления в жизни закона любви и замены им закона насилия, нужно только одно: то, чтобы люди верили в закон любви так же, как они верят теперь в необходимость насилия. Поверь только люди в закон любви хоть приблизительно так же, как они верят теперь в необходимость насилия, и вопрос о том, как поступать людям, отказавшимся от насилия, с людьми, совершающими насилие, перестанет быть вопросом, и жизнь людей без всяких усилий и потрясений сложится в неизвестную нам форму жизни, к которой идет человечество и которая избавит его от тех зол, от которых оно страдает теперь.

Возможно ли это?

XI.

Стоит человеку отвернуться от разрешения внешних вопросов и поставить себе единый истинно свойственный человеку внутренний вопрос: как ему лучше прожить свою жизнь? чтобы все внешние вопросы получили наилучшее разрешение.

Мы не знаем, не можем знать, в чем состоит общее благо, но твердо знаем, что достижение блага возможно только при исполнении того закона добра, который открыт каждому человеку.

Когда бы люди захотели вместо того, чтобы спасать мир, спасать себя; вместо того, чтобы освободить человечество, себя освободить, – как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества!

Герцен.

Разрешение не одного вопроса общественного устройства, а всех, всех вопросов, волнующих человечество, в одном, в перенесении вопроса из области кажущейся широкой и значительной, но в сущности самой узкой, ничтожной и всегда сомнительной: из области внешней деятельности, (имеющей, будто бы, в виду благо всего человечества, деятельности научной, общественной), в область, кажущуюся узкой, но в сущности самую широкую и глубокую и, главное, несомненную: в область своей личной, не телесной, но духовной жизни, в область религиозную.

Только сделай это для себя каждый человек, спроси себя, настоящего себя, свою душу, что тебе перед Богом или перед своей совестью (если не хочешь признавать Бога) нужно, и тотчас же получатся самые простые, ясные, несомненные ответы на самые казавшиеся сложными и неразрешимыми вопросы, уничтожатся большей частью и самые вопросы, и все, что было сложно, запутанно, неразрешимо, мучительно, все тотчас же станет просто, ясно, радостно и несомненно.

Кто бы ты ни был: император, король, палач, миллиардер, тюремщик, нищий, министр, вор, писатель, монах, остановись на минуту в своей деятельности и загляни в свою святую святых, в свое сердце и спроси себя, что тебе, настоящему тебе нужно для того, чтобы прожить наилучшим образом те часы или десятилетия, которые еще могут предстоять тебе. И кто бы ты ни был, если ты только искренно и серьезно спросишь себя об этом, ты не можешь не ответить себе то же, что отвечали и отвечают себе все люди, серьезно и искренно ставившие и ставящие себе вопрос этот: нужно тебе одно, наверное одно, то самое, что всегда было и теперь нужно для всех: благо, истинное благо, не такое благо, которое нынче может быть благом, а завтра

может стать злом, и не такое, какое было бы благом для одного тебя, а злом для других, а одно истинное несомненное благо, такое благо, которое благо и для тебя, и для всех людей, и сегодня и завтра и во всяком месте. А такое истинное благо дается только тому, кто исполняет закон своей жизни. Закон же этот ты знаешь и по разуму, и по учениям всех мудрецов мира, и по влечению своего сердца. Закон этот любовь: любовь к высшему совершенству, к Богу и ко всему живому и в особенности к подобным себе существам – людям.

Только пойми это каждый из нас, и он тотчас же поймет и то, что причина страданий и своих и всего мира не в каких либо злых людях, виновных в том зле, которое совершается, а только в одном: в том, что живут люди в условиях жизни, сложившихся на насилии, условиях, противных любви, несовместимых с нею, и что потому причина того зла, от которого мы все страдаем, не в людях, а в том ложном устройстве жизни на насилии, которое люди считают необходимым.

А пойми это каждый человек – и он поймет, что воруящий вор и богач, скопляющий и удерживающий богатства, и властитель, подписывающий смертный приговор, и палач, приводящий его в исполнение, и революционер, бросающий бомбу, и дипломат, приготавливающий войну, и проститутка, отдающая на поругание свою душу и тело, и солдат, стреляющий в того, в кого ему велят, все одинаково не виноваты, а делают то, что делают, только потому, что живут по ложной вере в [необходимость] насилия, без которого они не могут себе представить жизни.

А поймет это человек, и он ясно увидит всю несправедливость, жестокость, неразумность осуждения людей, приведенных своей отжившей верой в насилие и вытекающими из нее сложными условиями жизни к своим противным любви поступкам, поймет и то, что люди делают дурное не потому что они виноваты, а потому что существует то суеверие насилия, которое может быть уничтожено никак не насилием же, а только освобождением себя, каждым человеком, от этого губительного суеверия.

Освобождение же от суеверия насилия в одном: в освобождении себя от общих мнимо-важных вопросов общественной жизни, в перенесении всех усилий духа из области общественной, внешней деятельности, в исполнении требований своей внутренней духовной жизни. Требования же эти ясно выражены в учениях всех религиозных учителей человечества, а также в внутреннем сознании каждого человека; требования эти в увеличении в себе каждым человеком способности любви.

XII.

Заканчивая свою миссию, Иисус установил основание нового общества. До него народы принадлежали одному или многим господам, как стада принадлежат хозяевам... Князья и сильные давили народ всей тяжестью

своей гордости и корыстолюбия. Иисус кладет конец этому неустройству, поднимает согбенные головы, освобождает рабов. Он научает их тому, что, будчи равными перед богом, люди свободны друг перед другом, что никто не может иметь сам по себе власти над своими братьями, что равенство и свобода – божественные законы человеческого рода – ненарушаемы; что власть не может быть правом; что в общественном устройстве она есть должность, служение, некоторого рода рабство, свободно принятое на себя в виду общего блага. Таково общество, которое устанавливает Иисус.

Это ли мы видим в мире? Это ли учение царствует на земле? Слуги или господа – князья народов в нашем мире?

В продолжение 18 веков поколение за поколением передает друг другу учение Христа и говорят, что верят в него. А что же изменилось в мире? Народы задавленные и страдающие все еще ждут обещанного освобождения, и не от того, чтобы слово Христа было неверно или недействительно, но от того, что народы или не поняли, что осуществление учения должно совершиться их собственными усилиями, их твердой волей, или, заснувши в своем унижении, не сделали того одного, что дает победу – не готовы были умереть за истину. Но они проснутся. Уже что-то шевелится среди них: они слышат уже голос, который говорит: спасение близко.

Ламенэ.

Истинное направление мысли состоит не в том, чтобы установить новые законы для светской или духовной власти, а в том, чтобы признать личность человека и скрытую в ней власть. Такое направление мысли будет содействовать прогрессу человечества несравненно более, чем все несчастные попытки слепых предводительствовать слепыми, при которых все они падают в яму догматов, авторитетов и нравственных систем.

Иатс.

В наше время продолжение жизни на основах отжитых и резко противоположных сознаваемой уже всеми истине стало невозможно, и потому, хотим ли мы или не хотим этого, мы должны в устройстве своей жизни поставить закон любви на место насилия. Но как же сложится жизнь людей на основании любви, исключаящей насилие? На вопрос этот никто не может ответить, да кроме того ответ этот никому и не нужен. Закон любви не есть закон общественного устройства того или другого народа или государства, которому можно содействовать, когда предвидишь, или скорее, воображаешь, что предвидишь те условия, при которых совершится желательное изменение. Закон любви, будучи законом жизни каждого отдельного человека, есть вместе с тем и закон жизни всего человечества, и потому безумно было бы воображать, что

можно знать и желать знать конечную цель как своей жизни, так тем более жизни всего человечества.

То, что мы не знаем и не можем даже себе представить того, какая будет жизнь людей, верящих в закон любви, так же, как верят теперь люди в необходимость насилия, показывает только то, что, следуя закону любви, мы истинно живем, делая то, что должно каждый для себя и то, что должно для жизни всего человечества. То, что, следуя закону любви, мы делаем то, что должно для себя, мы знаем потому, что, только следуя этому закону, мы получаем наибольшее благо. То же, что, следуя этому закону, мы делаем и то, что должно [и] для всего человечества, мы знаем потому, что благо человечества в единении, а ничто не может по самому свойству своему так тесно и радостно соединять людей, как тот самый закон любви, который дает и высшее благо каждому отдельному человеку.

Вот все, что я хотел сказать.

Всею душой веря в то, что мы живем накануне всемирного великого переворота в жизни людей, и что всякое усилие для скорейшего разрушения того, что не может не быть разрушено, и скорейшего осуществления того, что не может не быть осуществлено, всякое усилие, хотя бы и самое слабое, содействует наступлению этого переворота, я не мог, доживая по всем вероятностям последние дни моей жизни, не попытаться передать другим людям эту мою веру.

Да, мы стоим на пороге совсем новой радостной жизни, и вступление в эту жизнь зависит только от нашего освобождения себя от все более и более мучающего нас суеверия необходимости насилия для совокупной жизни людей и признания того вечного начала любви, которое уже давно живет в сознании людей и неизбежно должно заменить отжитое и уже давно ненужное и только губительное для людей начало насилия.

Лев Толстой.

Ясная Поляна.

5 Июля 1909 г.

—

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

ВАРИАНТЫ СТАТЬИ «НЕИЗБЕЖНЫЙ ПЕРЕВОРОТ».

* № 1.

Остановитесь, подумайте, ради Бога, ради всего, что есть для васъ святого, если не для Бога, то для своей совѣсти, остановитесь, подумайте о томъ, что нужно для вашей разумной, человѣческой природы, даже просто для вашего блага, и не для блага даже, а для избавленія отъ тѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ вы страдаете, отъ той злобы, страха, сознанія безумія вашей жизни, которыхъ вы не можете, и которые нельзя заглушить въ себѣ. Вы рабочіе, бѣдняки, и даже не бѣдняки, и не богачи, вы не можете удержать теперь, если бы и хотѣли этого, вызванную въ васъ всѣмъ, что пишется и говорится вокругъ васъ, зависть, злобу, ненависть къ властвующимъ надъ вами, и какъ вамъ кажется, благоденствующимъ съ одной стороны правителямъ, съ другой стороны богачамъ. И вы не живете, а негодуете, злобитесь, ненавидите людей братьевъ и всякую минуту готовы съ ножами, револьверами, бомбами броситься на нихъ, губить, рвать ихъ, не разбирая самыхъ виноватыхъ отъ менѣ виноватыхъ и совсѣмъ не виноватыхъ. И жизнь ваша, жизнь миллионныхъ рабочихъ, и близкихъ къ нимъ не жизнь, а мученье. Не меньше, если не больше страдаете и вы, тѣ, которые вызываютъ за свое воображаемое благополучіе такую непримиримую ненависть, вы правители и богачи, чувствующіе, уже не могущіе не чувствовать, если не преступность своего положенія, то всю ту ненависть, которая окружаетъ васъ за это положеніе, и которое вы или чувствуете себя обязанными поддержать, или отъ котораго не знаете какъ избавиться. Положеніе ваше хуже, потому что вы чувствуете себя виноватыми, если не за то, что вы сами намѣренно устроили это свое положеніе, то за то, что вы находитесь въ немъ. Хуже оно еще и отъ того, что вы боитесь, не можете не бояться, и отъ того, что чувствуете на себѣ ненависть и злобу миллионныхъ людей и главное отъ того, что сами невольно заражаетесь той злобой, которая окружаетъ васъ, кипитъ противъ васъ. И тѣ, и другіе, вы несчастны, чувствуете, что вы сами виновники своего несчастья и не только не видите выхода изъ своего положенія, но видите неизбежное все большее и большее ухудшеніе его.

Люди нашего времени несчастны. Нельзя ни скрывать этого, ни еще менѣе мириться съ этимъ. Несчастны всѣ тѣ народы, которые приобщились къ тому, что называется цивилизаціей, и всѣ народы, всѣ, всего міра, всѣ неизбежно идутъ по тому же пути и все болѣе и болѣе приближаются къ тому же состоянію страданія, и причина котораго не внѣшняя, но въ самихъ людяхъ мучающихся, не могущихъ не мучать другъ друга, состоянію взаимной ненависти, страха, злобы, къ которому неудержимо приближаются Турція, Персія, Индія, Китай, Японія, – весь родъ человѣческій.

Скажутъ, что страданія свойственны жизни людей. Свойственны да, но не тѣ страданія, которыя люди сами наносятъ себѣ, мало того, что наносятъ, но знаютъ это, знаютъ, что они сами причиной своихъ

страданій и не могут не производить ихъ. Этого сознанія своей вины и безвыходности изъ нея никогда не было и не можетъ быть. Это положеніе исключительное и свойственное только нашему времени, и только самому послѣднему времени.

Какъ отдѣльный человѣкъ, вообще животное переходитъ отъ одной степени развитія къ слѣдующей, такъ постепенно, незамѣтно, что хотя и нельзя указать на тотъ день, часъ, день недѣли, когда ребенокъ сталъ юношей, юноша мужемъ, мужъ старикомъ, переходы эти совершаются, и выросшій ребенокъ страдаетъ, если хочетъ продолжать по дѣтски, и старикъ, какъ юноша. То же самое и съ жизнью человѣчества. И въ нашъ вѣкъ, въ послѣдніе года этого вѣка, человѣчество мучительно переживаетъ такое переходное время.

Человѣчество въ сознаніи своемъ пережило прежнее устройство жизни, т.-е. отношеній людей между собой, но устройство это, отношеніе людей, основанное на насиліи однихъ людей надъ другими по преданію, привычкѣ, внушенію, уваженію къ древности, продолжаетъ существовать, и люди мучаютъ себя и другъ друга, бьются, страдаютъ, стараясь измѣнить, улучшить это, основанное на насиліи устройство жизни, тогда какъ ни измѣнить, ни улучшить его нельзя. Нельзя, потому что оно все отжило свое время, не только не сходится, но стало прямо несомѣстимымъ, противоположнымъ тѣмъ сознаннымъ уже огромнымъ большинствомъ людей отрицанію всякаго, какого бы то ни было насилія, какъ совершенія его, такъ и подчиненія ему. Странно, чтобы не сказать смѣшно то, что дѣлается теперь людьми живѣе другихъ чувствующихъ противорѣчіе жизни и старающихся уничтожить или хотя показать пути уничтоженія того зла, отъ котораго теперь страдаютъ люди. И всѣ эти усилія представляются по меньшей мѣрѣ удивительными для тѣхъ, кто видятъ основную и одну несомнѣнную причину зла. Стараются правительства, общества устраивать представительства; стараются революціонеры всѣхъ родовъ, всякаго рода социалисты, коммунисты, и не хотятъ видѣть того, что все, что самое полное осуществленіе ихъ предположеній не можетъ не только уничтожить, но и сколько нибудь уменьшить, ослабить зло. Не можетъ такъ же, какъ не можетъ никакой посѣвъ взойти на непаханной почвѣ, какъ нельзя ни уничтожить, ни уменьшить порокъ пьянства такими или иными правилами о виноторговлѣ или потребленіи вина.

Обращая вниманіе не на различныя проявленія зла насилія: въ области экономической (соціализмъ), въ области политической (всякія конституціи, референдумы и мн. др.), въ области международной (конгрессы мира и др.), и на корень его, на самую насилія, на признаніе необходимости, законности и даже нравственности насилія, вопросъ поразительно упрощается и вмѣсто сложнѣйшихъ соображеній, разногласій, споровъ получается самое простое, удобопонятное самымъ простымъ неученымъ людямъ, дѣтямъ даже – рѣшеніе. Дѣло вѣдь самое простое, ясное и несомнѣнное. Не говоря о христіанскомъ учении, имѣющемъ въ рѣшеніи этого вопроса первенствующее значеніе, въ особенности потому, что рѣзкость противорѣчія между устройствомъ жизни и сознаніемъ людей христіанскаго міра проявилась сильнѣе всего

въ этомъ христіанскомъ мірѣ, не говоря уже о христіанскомъ ученіи во всѣхъ большихъ религіозныхъ ученіяхъ міра: въ Браманизмѣ, буддизмѣ, Конфуціанствѣ, таосизмѣ, магометанствѣ; въ нѣкоторыхъ до христіанскихъ, въ другихъ, какъ въ магометанскихъ, послѣ христіанскихъ, во всѣхъ, за тысячи и сотни лѣтъ до нашего времени выражалась и выражается мысль о томъ, что основа общенія людей между собой можетъ и должна быть любовь къ высшему добру и вслѣдствіе этого человѣка къ человѣку. И во всѣхъ, и съ особенной силой въ естественно намъ болѣе близкомъ христіанствѣ, выражено осужденіе насилію, указано даже на то, что не могутъ быть допускаемы случаи оправданія насилія. Какъ ни старались такъ называемыя богословскія (въ христіанствѣ церковныя) ученія извращать, затемнять это, не ученіе, а эту свойственную природѣ человѣка истину, истина эта не могла не проявляться въ сознаніи людей, хотя и въ самыхъ неполныхъ, часто уродливыхъ формахъ. Такъ проявлялась она во всѣхъ революціонныхъ стремленіяхъ къ свободѣ, проявлялась и проявляется очень неполно и односторонне, даже уродливо въ ученіяхъ коммунизма, социализма, политическаго анархизма, проявлялась и во всемъ складѣ жизни новѣйшихъ народовъ: въ освобожденіи рабовъ, въ равноправіи сословій, народовъ, женщинъ, въ свободѣ вѣроисповѣданія, слова и многое другое. Такъ росло и росло и все болѣе и болѣе распространялось это сознаніе, и въ наше время стало всеобщимъ, и выражаясь, хотя и въ узкихъ, одностороннихъ, часто уродливыхъ формахъ, сознаніе это стало кричащимъ противорѣчіемъ всему существующему устройству и стало причиной тѣхъ страданій людей, который они сами себѣ наносятъ и отъ которыхъ такъ невыносимо страдаетъ теперь всё человѣчество и въ особенности передовые христіанскіе народы, среди которыхъ противорѣчіе это стало и общимъ всему народу и дошло до послѣдней степени напряженія.

[1] ...среди этихъ же людей проповѣдывалось ученіе любви, и какъ искусно ни скрывалось оно въ той мѣрѣ, въ которой оно было противно насилію, ученіе это не могло не входить понемногу въ сознаніе людей, и оно входило, какъ я и говорилъ, самыми странными, обходными путями – и церковными, [и] политическими, и социалистическими ученіями, и входя измѣняло отношеніе людей къ своему положенію, и вмѣсто спокойной покорности своему положенію и признанія законности власти и богатства властвующихъ вызывало зависть, ненависть, злобу съ одной стороны и страхъ, и хитрость, и усиленіе жестокости съ другой. Такъ шло и шло это, и вмѣстѣ съ напряженіемъ противорѣчія все больше и больше развѣнчивались, обличались обманы властвующихъ, все больше и больше сплочались и становились смѣлѣе подвластные, и все чаще и чаще слышались разумные голоса, говорившіе о тщетѣ тѣхъ воображаемыхъ средствъ спасенія отъ насилія насиліемъ и указывающіе на сущность дѣла, заключающуюся въ одномъ: въ признаніи необходимости замѣны отжитаго закона насилія съ древнѣйшихъ временъ

провозглашеннаго и все больше и больше входившаго въ сознание людей закона любви.

Время это наступило, но люди какъ будто не хотятъ, не могутъ еще видѣть этого и продолжаютъ съ страшнымъ напряженіемъ, съ готовностью жертвы, съ суевѣрной нетерпимостью, съ невниманіемъ ко всѣмъ противнымъ доводамъ, продолжаютъ дѣлать то, что называется to beat about the bush,

[2] т.-е. напрягать свои силы на все, только не на то, что можетъ избавить ихъ отъ ихъ страданій и осуществить то, къ чему они стремятся. Мало того, что не дѣлаютъ того одного, что нужно, но дѣлаютъ прямо противное этому, дѣлаютъ то, что усиливаетъ зло. И дѣлаютъ это одинаково какъ задавленные, подвластные, такъ и властвующіе. И въ своемъ озлобленіи и враждѣ не видятъ того, что дѣлаютъ, т.-е. одно, что имъ нельзя и не надо дѣлать.

И потому повторяю: остановитесь, подумайте, ради Бога, ради всего, что есть для васъ святого, если не для Бога, то для своей совѣсти, остановитесь, подумайте, то ли вы дѣлаете, что нужно для вашей разумной, человѣческой природы, даже просто для вашего блага, и не для блага даже, а для избавленія отъ тѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ вы страдаете.

* № 2.

Точно такъ же думаютъ и консерваторы: Все это бредни безпокойныхъ, легкомысленныхъ, развращенныхъ умовъ. Жили вѣками и жили спокойно. Стоить только, какъ ни непріятно это, твердо противопоставить законность всѣмъ этимъ мечтаніямъ и строго карать нарушителей порядка, и установится опять тотъ же порядокъ жизни, при которомъ жили всегда и свойственно жить людямъ.

* № 3.

Исключительность положенія, въ которомъ находится все человѣчество нашего времени (хотя народы запада болѣе, чѣмъ народы востока), состоитъ въ томъ, что человѣчество въ сознаніи своемъ пережило ту

форму вѣшняго устройства жизни, которая когда-то соотвѣтствовала сознанію человѣчества, но теперь перестала уже ему соотвѣтствовать.

* № 4.

II.

Что же дѣлать? Гдѣ выходъ? Пути насилія, казалось бы, уже всѣ испробованы. Неужели продолжать все то же и то же, ожидая впередъ извѣстныхъ и опредѣленныхъ послѣдствій, все ухудшающагося и ухудшающагося положенія. Что же дѣлать? Одно, то самое, что стоитъ въ заглавіи этого писанія: признать необходимость измѣненія, революціи сознанія, признать безуміе суевѣрія улучшенія жизни людей посредствомъ измѣненія не своей, а чужой, не находящейся въ нашей власти жизни, перестать обвинять другихъ, признать ту простую истину, которая не могла бы быть скрыта отъ людей, если бы не было того продолжительнаго оправданія зла: истину о томъ, что нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ, что какъ каждый изъ насъ, такъ и всякій человѣкъ стремится къ одному – къ своему благу, и понять, что благо это навѣрное осуществляется только тогда, когда оно благо не одного себя, а благо общее, всѣхъ людей. И благо это есть только одно, то самое, которое смутно понимается большинствомъ людей, выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и провозглашается всѣми религіями міра. Одно несомнѣнное это благо есть любовь, то состояніе души, въ которое властенъ всякій человѣкъ привести не другихъ людей, а только одного себя.

* № 5.

Бѣдствія же, происходившія отъ этихъ остановокъ движенія, вызывали всегда и борьбу противъ нихъ, какъ это совершалось въ протестантизмѣ всѣхъ религій. Такъ что человѣчество никогда не двигалось равномерно, постепенно, а всегда порывами, какъ бы ступенями. И продолжительность и круги людей, захватываемыхъ этими остановками, отставаніями и возстановленіями движенія бывали различныя.

* № 6.

Такъ что я знаю, что не только большинство, но всѣ за малыми исключеніями обратятъ на это мое писаніе несравненно меньше вниманія, чѣмъ на послѣднюю повѣсть моднаго писателя или послѣднюю симфонію музыканта, на тотъ или иной законъ, прошедшій черезъ ту или иную палату.

* № 7.

Хорошо говорить такъ вообще, но что же дѣлать? говорятъ обыкновенно. Скажите, какая же можетъ быть жизнь при отрѣшеніи отъ закона насилія и при слѣдованіи закону любви? И сказавъ это людямъ до такой степени привыкшимъ къ слѣдованію закону насилія, что они не могутъ себѣ представить жизни безъ устроенія ея впередъ нѣсколькими устроителями, кажется, что на возраженіе ихъ не можетъ быть отвѣта. Но вѣдь въ возраженіи этомъ скрыто включено уже признаніе необходимости устроенія жизни многихъ нѣкоторыми, т.-е. то самое, что отрицается предложеніемъ замѣны закона насилія закономъ любви. На вопросъ что дѣлать? подъ словами: что дѣлать разумѣя: какъ заставить (очевидно насиліемъ) жить другихъ людей, исповѣдующіе законъ любви естественно отвѣчаютъ только то, чтобы ничего не дѣлать, предполагая то, что законъ любви соединяетъ людей безъ употребленія насилія.

* № 8.

Но стоитъ только вспомнить о томъ, что огромное большинство людей нашего міра это или лишенные необходимаго для жизни количества земли, живущіе въ постоянномъ рабствѣ ограбляющихъ ихъ землевладѣльцевъ, или безземельные рабочіе, вѣчно живущіе подъ угрозой лишенія работы въ рабствѣ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ. Стоитъ только имѣть въ виду это огромное большинство людей, чтобы не могло быть и вопроса о томъ, выгодно или невыгодно было бы для человѣчества уничтоженіе насилія.

* № 9.

И потому не могу молчать, <не могу и потому что слишком живо чувствую несомнѣнную близость того переворота, который не может не совершиться, вижу уже зарю наступленія дня>

* № 10

И потому не могу молчать, не могу молчать и потому, что жизнь моя на короткѣ, что каждый день, проведенный мною, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣдній, и потому не могу по желать хоть сколько-нибудь, по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ, участвовать, въ томъ великомъ, благодѣтельномъ переворотѣ, который неизбѣжно долженъ совершиться и который только напрасно задерживается ослѣпленными людьми, увеличивая ихъ страданія.

* № 11.

Въ Европѣ же, въ христіанскомъ мірѣ, положеніе было иное. Жизнь въ христіанскомъ мірѣ также какъ и на востокѣ была утверждена на насиліи, но оправданія этого насилія не было въ христіанскомъ ученіи, какъ это было на востокѣ. Напротивъ религіозное ученіе, признаваемое европейскимъ міромъ, учете это въ его настоящемъ смыслѣ разрушало все существующее устройство, основанное на насиліи. И потому для удержанія этого насильническаго устройства было только одно средство: стараться скрыть сущность ученія любви, придавъ ему вмѣсто. основного значенія исключительный, не обязательный характера Такъ это и было сдѣлано тѣми христіанскими учрежденіями, которыя называли себя церквами. И дѣйствительно различными сложными богословскими разсужденіями, толкованіями, загроможденіями людямъ христіанскаго міра удалось, хоть на время скрыть все значеніе открытой людямъ истины.

* № 12.

Такъ, напримѣръ, у насъ революционеры, вѣря въ то, что насиліе достигаетъ цѣли, видѣли подтвержденіе этого въ короткіе мѣсяцы 1905 года, не придають никакого значенія тѣмъ безчисленнымъ дѣламъ

насилія, которыя не произвели никакихъ послѣдствій. И точно также властвующіе видятъ подтвержденіе дѣйственности насилія въ періоды успѣха насилія и забываютъ всѣ тѣ случаи, когда насиліе приводитъ къ обратнымъ желаемымъ послѣдствіямъ.

* № 13.

Такъ, напримѣръ, въ нашемъ христіанскомъ мірѣ задержка, произведенная злоупотребленіями Римской церкви, не только скрывшей сущность ученія Христа, но во имя этого ученія установившей власть государства и свою власть надъ нимъ, продолжавшаяся недолго, произвела всетаки великія бѣдствія, вызванный реформаціей и послѣдовавшими за нею войнами и покореніями однихъ народовъ другими. Причина этихъ бѣдствій западныхъ народовъ было коснѣніе въ несоотвѣтствующемъ уже ихъ сознанію, когда то свойственномъ этимъ народамъ религіозномъ ученіи папства.

* № 14.

Казалось бы ясно, что устраиваемая посредствомъ насилія, т.-е. посредствомъ совершаемыхъ другъ противъ друга обидъ, оскорбленій, убійствъ, жизнь не можетъ быть благополучна. Когда дѣти разсорятся среди игры, подерутся и надергаютъ себѣ волосы, наставятъ шишекъ, и всѣ ревуть, и всѣ несчастны – ясно, что виною ихъ несчастья они сами, и стоитъ успокоить ихъ, помирить, и они опять начнутъ весело играть и охотно признаются, что они были сами виноваты въ своемъ бѣдствіи. Но не то съ обществами людей,

* № 15.

Говорятъ: если я не буду насильникомъ, не буду участвовать въ насиліи, то всѣ будутъ противъ меня. Но вѣдь это все равно, что сказать, что если я научу заблудившихся людей, какъ имъ выдти на дорогу, то всѣ эти заблудившіе нападутъ на меня. Человѣкъ, не дѣлающій насилія, не участвующій, не одобряющій его, показываетъ людямъ средство избавленія отъ того, что мучаетъ ихъ, и показываетъ не въ какомъ либо отдаленномъ, воображаемомъ будущемъ, а сейчасъ и

навѣрное и на дѣлѣ. Неужели на такого челоѣка нападуть тѣ люди, которымъ онъ указываетъ простой и вѣрный путь избавленія отъ того, что мучаетъ ихъ?

* № 16.

Всѣ догадки какъ о происхожденіи, такъ и объ исчезновеніи челоѣка и челоѣчества не могутъ имѣть для насъ никакого значенія, такъ какъ неизбѣжно приводятъ насъ къ безконечности во времени, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ и, потому неважны для насъ.

* № 17.

Жизнь всего челоѣчества всегда руководится въ своихъ проявленіяхъ, въ своей дѣятельности тѣмъ общимъ большинству людей метафизическимъ религіознымъ пониманіемъ, которое въ данное время свойственно ему.

* № 18.

Кто же будетъ противъ тѣхъ людей, которые укажутъ большинству его ошибку подчиненія насилію и простое и легкое средство освобожденія людей? Противъ такихъ людей будутъ тѣ, кто пользуется обманомъ обманутыхъ, и можетъ случиться, что на того, кто будетъ указывать людямъ истину, нападуть враги ея. Христа распяли. Могутъ пострадать и тѣ, которые будутъ уяснять людямъ выгодную для нихъ истину. Но развѣ не лучше пострадать и умереть за истину, чѣмъ ради какой-нибудь вражды правительственной, революционной, международной? Для вѣрующаго челоѣка не можетъ быть колебанія въ этомъ вопросѣ.

* № 19.

Сами рабочіе устраиваютъ свои обязательныя стачки, союзы и синдикаты, поддерживаемые опять таки обязательными постановленіями,

основанными на насиліи.

* № 20.

Очевидно не ожидать исправленія отъ молитвъ, заговоровъ, талисмановъ, а перестать дѣлать то, что дѣлаешь: не участвовать въ кутежахъ, въ распутствѣ, въ игрѣ. Тоже и съ устройствомъ жизни людей. Разница только въ томъ, что, отстранившись отъ участія въ кутежахъ, игрѣ, распутствѣ, я болѣе ясно могу предвидѣть послѣдствія, въ воздержаніи же отъ участія въ насиліи послѣдствія такого воздержанія не такъ ясны. Но какъ [бы] они ни были неясны, они несомнѣнны. Насилія совершаются людьми, я человекъ воздерживающійся отъ нихъ и потому насилій будетъ меньше настолько, насколько люди воздержатся отъ него. То же, что отъ моего неучастія не сдѣлается тотчасъ же все, чего я желаю, не можетъ и не должно мѣшать мнѣ дѣлать то, что должно и можно. Огромныя зданія воздвигаются изъ маленькихъ камней. Для восшествія на самую высокую гору нуженъ первый шагъ, потомъ второй, третій. —

Наивный вопросъ о томъ, что дѣлать отдѣльному человеку для противодѣйствія существующему ложному устройству, возможенъ только потому, что люди, большинство, вѣрятъ больше всего на свѣтѣ, такъ что не допускаютъ и тѣни сомнѣнія, въ то, что жизнь людей складывается не по ихъ волѣ, а по волѣ какихъ-то нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ это вѣрятъ и властвующіе, и революціонеры, и толпа. Отъ этого этотъ удивительный вопросъ: что дѣлать мнѣ, каждому отдѣльному человеку?

* № 21.

И потому не могу не умолять людей выслушать меня, подумать, обсудить о томъ, что я говорю. Знаю, какъ безумно гордо то, что я дѣлаю, обращаясь къ людямъ, ко всѣмъ людямъ съ увѣщаніемъ <скорѣе съ мольбою> о томъ, чтобы они сдѣлали то, что я говорю имъ, что какъ будто знаю я одинъ и никто кромѣ меня не знаетъ. Но что же мнѣ дѣлать, если я всѣмъ существомъ моимъ убѣжденъ въ томъ, что то, что я знаю, есть истина и истина не отвлеченная, а истина такая, которая можетъ и должна спасти людей отъ ихъ страданій.

Комментарии Б. М. Эйхенбаума

НЕИЗБЕЖНЫЙ ПЕРЕВОРОТ.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Статью эту Толстой начал писать в марте 1909 г. В дневнике Н. Н. Гусева («Два года с Я. Н. Толстым», изд. «Посредник». М. 1912, стр. 273) от 15 апреля 1909 г. записано: «Около месяца тому назад Л. Н. начал новую статью, в которой с разных сторон выражает давно уже высказываемую им мысль о том, что человечество нашего времени необходимо должно перейти от устройства жизни, основанного на насилии, к устройству жизни, основанному на любви. Пиша эту статью, Л. Н. несколько раз изменял ее заглавие. Вот список сменявшихся одно за другим заглавий этой статьи: 1) Старое и новое; 2) Неизбежная революция сознания; 3) Новая жизнь; 4) Человечество вырастает из пеленок; 5) Революция неизбежная, необходимая и всеобщая».

В Дневнике самого Толстого работа над этой статьей отмечается начиная с 26 марта 1909 г. (ср. дату в рукописи № 2): «Нынче писал «Революцию сознания», недурно». Далее – в записях от 27 марта («Поправил «Революцию». Все не знаю как назвать. Выбрал прекрасные эпиграфы»), 28 марта (где заглавие – «Старое и Новое»), 29–30 марта, 1 апреля, 3 апреля («Все нехорошо. Заглавие: Новая жизнь»), 8, 12–13 апреля, 15 мая, 17 мая («Думаю, что кончил Неизбежный шаг»), 19, 20, 21, 25 мая («Неизбежный переворот») и 2 июня.

В письме к В. Г. Черткову от 25 мая 1909 г. Толстой писал: «Я это время всё возился с статьей – вы знаете – которую я хочу назвать «Неизбежный переворот» и пока оставил и думаю, что кончил. (Если хотите, я пришлю вам)».

2 июня 1909 г. (как видно из дневника Н. Н. Гусева, стр. 287) Толстой дал статью на чтение А. Б. Гольденвейзеру: «Вчера вечером А. Б. Гольденвейзер читал в моей комнате уже законченную Л. Н.–чем статью «Неизбежный переворот». Л. Н., проходя мимо, поинтересовался узнать, что он читает, и, узнав, что «Неизбежный переворот», сказал: – Книга хорошая, хоть и я ее писал».

Извлечение из статьи «Неизбежный переворот» появилось в «Русских ведомостях» 1909 г., № 207 от 10 сентября. Целиком (с цензурными

выпусками) напечатано впервые в 12-м издании «Сочинений» (М. 1911, стр. 690–780), с датой «5 июля 1909 г.» Надо полагать, что эта дата стояла на рукописи последней редакции статьи, которой в архиве Толстого не оказалось (рукопись № 14, последняя из найденных, названа Н. Н. Гусевым «предпоследней» – см. в описании рукописей).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

В ГТМ (Л. Ч., папка 120 № 8) хранятся следующие рукописи, относящиеся к статье «Неизбежный переворот»:

№ 1. Машинопись. 5 листов обыкновенной писчей бумаги 4° л. Заглавия нет. Начало: «Остановитесь, подумайте, ради Бога»... Машинная пагинация: 1–4 и 6. Лист с пагинацией 5 передвинутся в рукопись № 3, листы с пагинацией 7 и 8 – в № 2, с пагинацией 9 – в № 4, с пагинацией 10 – в № 5. Эти 10 листов составляют первую машинную редакцию статьи – автографа нет.

На обложке – рукой А. Л. Толстой (карандашом): «Черновые 24 Марта 09 г.»

Весь текст этой первой редакции (по указанным 10 листам) приведен в варианте № 1.

№ 2. Машинописная копия с № 1. 12 листов писчей бумаги 4° и срезки (в том числе – 2 лл., перешедшие из № 1). Много авторской правки и новых автографов на оборотах. Заглавия нет. Текст неполный. Начало: «...Люди нашего времени, не только нашего европейского»... Конец: «...бѣдствіе народовъ все шло и идетъ, увеличиваясь и увеличиваясь». Пагинация: 1–4, 8 и 11–машинкой; 5, 6 и 7 рукой Толстого.

На обложке – рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «Необходимость революции сознания. 26/III 09».

Из этой рукописи взяты варианты №№ 2 и 3.

№ 3. Машинописная копия с № 2. 15 листов писчей бумаги 4°. Много новой авторской правки. Последние два листа заняты новым автографом. На листе 7 вставка, написанная рукой Н. Н. Гусева. Пагинация рукой Толстого (красным карандашом): 1–14. Полный текст. Нач.: «Остановитесь, одумайтесь, ради Бога»... Кон.: «...отъ которыхъ такъ страшно страдаютъ теперь люди». Заглавия нет.

На обложке – рукой Н. Н. Гусева: «Необходимость изменения сознания. 27/III. 09».

№ 4. Машинописная копия с № 3. 18 листов (с обложкой) писчей бумаги 4°. Много новой авторской правки. На обложке – заглавия рукой Толстого: зачеркнутые – «Пришло время» и «Необходимость революции

сознания», над ними – «Старое и новое». Здесь же внизу карандашные указания для эпиграфов из «Круга чтения», продолженные на обороте второго листа обложки. На обложке кроме того – дата рукой Н. Н. Гусева: «28/III 09».

На первом листе текста сверху рукой Толстого: «Первая часть» и цифра 1 (т. е. первая глава); далее главы идут последовательно, кончая цифрой VIII; затем – «Вторая часть» и опять цифра 1. Текст в рукописи неполный. Начало:... «времени не только нашего европейского»... Конец:... «съ древнѣйшихъ времянь провозглашеннаго людямя»...

Отсюда взят вариант № 4.

№ 5. Остатки машинной копии с № 4, остальные листы которой передвинулись дальше, 4 лл. (срезки). Начало: ...«Несчастливы всѣ люди нашего времени»... Конец:«дѣлають то одно, что имъ нельзя и не надо дѣлать».. На обложке рукой Н. Н. Гусева: «Человечество вырастает из пеленок. 29/III 09».

№ 6. Новый автограф, дополняющий прежний текст. 5 листов писчей бумаги 48. На обложке рукой Н. Н. Гусева: «Человечество вырастает из пеленок. 30/III 09».

№ 7. Машинопись, 11 листов разного формата, оставшихся от передвижения листов в следующие копии. Много новой авторской правки и новых автографов (чернилами и карандашом).

№ 8. Машинопись, 14 листов разного формата, оставшихся от передвижения. Много новой авторской правки и новых автографов.

№ 9. Машинопись, 26 листов разного формата, оставшихся от передвижения. Много новой авторской правки – в том числе новый большой автограф (лл. 7, 8 и 9).

Отсюда – вариант № 5.

№ 10. Машинопись, включающая перешедшие из предыдущих копий листы и новые – 48 листов разного формата. Много новой авторской правки и новых автографов, почти вдвое увеличивающих объем, статьи.

Отсюда – варианты 6, 7 и 8.

№ 11. Машинопись, 75 листов разного формата. Много новой авторской правки и новых автографов. На л. 2 имеется пометка рукой Толстого (карандашом): «Левъ Толстой. 28 Апр.» На последнем листе – чернилами: «Л. Т. 30 Апр. 1909».

Отсюда – варианты №№ 9–12.

№ 12. Машинопись, 81 лист разного формата. Новая авторская правка и новые автографы. На л. 1 сверху – рукой Толстого: «Предисловіе». Под предисловием (л. 2) –подпись: «Л. Т.» Текст неполный.

Отсюда – варианты №№ 13, 14, 15.

№ 13. Машинопись, 86 листов разного формата, заново переписанных и перешедших из предыдущих копий. Много новой авторской правки, есть новые автографы.

Отсюда – варианты №№ 16, 17 и 18.

№ 14. Машинопись, 78 листов разного формата, заново переписанных и перешедших из предыдущих копий. Перед каждой главой – лист с наклеенными (из «Круга чтения») эпитафиями; некоторые из них заново отредактированы Толстым. Текст полный.

На обложке – рукой Н. Н. Гусева: «Неизбежный переворот. Предпоследняя редакция».

Отсюда – варианты №№ 19 и 20.

Кроме того имеется обложка, на которой рукой Н. Н. Гусева написано: «Выпущенные места из статьи «Неизбежный переворот»; здесь – 4 листа машинной копии. Отсюда – вариант № 21.

Имеются еще оставшиеся от разных копий и автографов листы с вычеркнутым текстом – 20 листов.

Наконец – пустые обложки (27), в которых прежде лежали разные листы; на них пометки рукой Н. Н. Гусева, дающие хронологию работы

1. Человечество вырастает из пеленок. 1/IV 09.
2. » » » » 2/1V 09.
3. Новая жизнь. 3/IV 09.
4. » » 4/1V 09.
5. » » 6/1V 09.
6. Неизбежность революции сознания. 7/1V 09.
7. Необходимость изменения сознания. 12/IV .»9.
8. Неизбежная революция сознания. 13/1V 09.
9. Революция неизбежна. 14/1V 09.
10. Революция необходима. 15/1V 09.
11. Революция неизбежна. 16/1V 09.
12. » » 17/1V 09.
13. » » 28/IV 09.

14. Революция неизбежная. 30/IV 09.
 15. » » 1/V 09.
 16. » » 2/V 09.
 17. Революция неизбежна. 3/V 09.
 18. Революция неизбежная. 5/V 09.
 19. » » 6/V 09.
 20. » » 7/V 09.
 21. » » 14/V 09.
 22. » » 15/V 09.
 23. Неизбежный шаг. 17/V 09.
 24. » » 18/V 09.
 25. Неизбежный переворот. 19/V 09.
 26. » » 20/V 09.
 27. » » 3/VI 09.
-

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

В состав тридцать восьмого тома входят последние произведения Толстого, написанные им в 1909–1910 гг. Том заканчивается статьей «Действительное средство», над которой Толстой работал уже после ухода из Ясной поляны – в Оптиной пустыни, за несколько дней до своей смерти (последняя дата – 29 октября 1910 г.).

В настоящий том входят как художественные, так и теоретические произведения Толстого. Художественные произведения были опубликованы после смерти Толстого (в России – в издании А. Л. Толстой, с цензурными купюрами, за границей – в издательстве «Свободное слово» (издатель И. Ладыжников) полностью) – за исключением очерков «Благодарная почва» и «Три дня в деревне», которые появились в печати еще при жизни Толстого. Проверка этих произведений по сохранившимся автографам привела к исправлению многочисленных ошибок, сделанных переписчиками и не замеченных Толстым (см., например, финал комедии «От ней все качества»). Рассказ «Ходынка» печатался до сих пор без последних заключительных строк, автограф

которых только теперь был найден в другой рукописи. Среди вариантов, относящихся к произведениям этого отдела, особого внимания заслуживают варианты комедии «От ней все качества», не только дающие картину сложной работы Толстого, но и дополняющие текст комедии очень существенными и интересными деталями.

Что касается статей и статей-писем, входящих во второй отдел тома, то некоторые из них появляются здесь впервые: «0 Вехах», «0 ругательных письмах», «По поводу статьи Струве», «Письмо в «Русь» с ругательными письмами», «0 безумии» и «0 социализме». Одни из этих статей не были посланы в печать потому, что Толстой считал их слишком резкими или ненужными, другие остались незаконченными. Остальные статьи печатались частью еще при жизни Толстого, частью – после его смерти (в заграничных изданиях и в 12-м издании сочинений Толстого, 1911 г.). В этих статьях содержатся отклики на все главные события общественной жизни 1909–1910 гг., но особое внимание уделено в них двум темам: вопросу о «неизбежном перевороте», который должен произойти в современном цивилизованном мире (а в связи с этим – вопросу о государстве), и вопросу об интеллигенции, науке, воспитании и пр. Здесь Толстой подводит итоги своим давнишним мыслям, теориям и взглядам. Характерно, что многие из этих статей являются ответами на полученные Толстым письма: отвечая авторам этих писем, Толстой выходил за пределы обыкновенного частного письма и превращал ответ в статью, предназначенную для печати. Таковы, например, статьи: «Письмо революционеру» (Вруцевичу), «Письмо студенту о праве» (Крутику), «0 воспитании» (В. Ф. Булгакову), «0 науке» (крестьянину Ф. А. Абрамову), «Ответ польской женщине» (имя адресата неизвестно), «0 безумии» (выросло из ответа на письмо Р. С. Лабковской). Остальные статьи были вызваны газетными сообщениями, журнальными статьями, книгами, приглашениями на съезды, посещениями корреспондентов и разными событиями этих лет. Отметим, наконец, что в последние годы жизни Толстой неоднократно получал анонимные ругательные письма, наполненные проклятиями и угрозами за его «революционное» и антицерковное учение. Он собирался ответить на них письмом в газеты, но, написав, признал такое выступление излишним.

Ряд подробностей и фактических данных, относящихся к истории писания Толстым входящих в этот том произведений, сообщили Н. Н. Гусев, Н. С. Родионов и К. С. Шохор-Троцкий.

Указатель собственных имен составлен М. М. Чистяковой.

А. И. Никифоров.

Б. М. Эйхенбаум.

В. С. Шохор-Троцкая.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, не печатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. аббревиатуры) типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно собрание сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации.

Фототипия с фотографического портрета Толстого 1909 г. (размер подлинника) между XI и 1 стр. стр.

Примечания

1

После этого в автографе пропуск.

2

Бьют вокруг, а не по кусту.